

ЭЛЬФРИДА ЕЛИНЕК

Пианистка

 БОМБОРА
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Москва 2022

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44
Е51

Elfriede Jelinek
DIE KLAVIERSPIELERIN

Copyright © 1983 by Rowohlt Verlag GmbH,
Reinbek bei Hamburg, Germany

Елинек, Эльфрида.

Е51 Пианистка / Эльфрида Елинек ; [перевод с немецкого
А. В. Белобратова]. – Москва : Эксмо, 2022. – 416 с.

ISBN 978-5-04-122084-6

Мы привыкли воспринимать любовь и музыку как спасение, возможность сбежать от жестокого и холодного мира в царство грез, в теплые объятия. История пианистки Эрики Кохут показывает, какой обманчивой иллюзией может оказаться эта попытка побега.

Музыка опустошает, забирает все силы, не давая ничего взамен и уничтожая надежды об успешной карьере. Надежды суровой матери, от которой она получила не поддержку и одобрение, а лишь душающую, нездоровую заботу.

Страсть к молодому мужчине тяготит, разрушает и, лишённая душевной близости, приобретает извращённые формы.

«Пианистка» – откровенный рассказ о женском одиночестве, о попытке вырваться из пут обыденности и нелюбви.

УДК 821.112.2-31(436)
ББК 84(4Авс)-44

© Белобратов А.В., перевод
на русский язык, 2022

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-122084-6

I

В квартиру, в которой она живет вместе с матерью, учительница музыки Эрика Кохут врывается как ураганный ветер. Матери нравится называть Эрику «мой маленький ураган», ведь ребенок порой неудержим и стремителен. Ребенку так и хочется улизнуть от матери. Эрике уже далеко за тридцать. Что касается матери, то ее по возрасту легко спутать с бабушкой. Эрику она произвела на свет после долгих и нелегких лет замужества. Отец, не мешкая, передал эстафету дочери и исчез со сцены. Эрика появилась, а отец пропал. Шустрой Эрика стала по необходимости. Она влетает в квартиру, словно листва, взвихренная порывом ветра, и пытается проскользнуть в свою комнату незамеченной. Но мамочка уже заняла позицию в проеме двери и зовет Эрику на расправу. Призывает ее к ответу и прижимает к стенке: инквизитор и расстрельная команда в одном лице, которое семья, частная собственность и государство наделили неоспоримым материнским правом. Мать допрашивает Эрику, почему та явилась домой только сейчас, в такую позднюю пору. Последний ученик Эрики, осыпанный ее презрительными насмешками, отправился домой часа

три назад. Эрика зря надеется, что скроет от матери, где болталась. Дитя пытается дать ответ на немой вопрос, но веры ей нет, — уж сколько раз она обманывала. Мать некоторое время выжидает, впрочем, совсем недолго, потом вслух принимается считать до трех.

Уже на счет «два» дочь пытается сплести новый ответ, далеко уходя от рассказа об истинном положении вещей. Мать вырывает у нее из рук папку, набитую нотами, и в разинутом чреве обнаруживает горький ответ на свой вопрос. Вместе с четырьмя тетрадами Бетховена в папку втиснуто новое платье, только что купленное, — это сразу видно. Мать обрушивает на обновку взрыв негодования. Там, в магазине, расправленное на вешалке, платье выглядело так привлекательно, оно было такое яркое, так ладно облегало фигуру, а вот теперь оно похоже на мятую тряпку, которую мать распинает взглядом. Потрачены деньги, которые хотели положить на книжку! Брошены на ветер! Вместо платья им следовало обернуться вкладом в австрийском сбербанке в счет будущей строительной ссуды, если бы Эрика не поленилась сделать несколько шагов к шкафу с бельем, в котором из-под стопки простыней выглядывает сберегательная книжка. Но сейчас книжки там нет, она погулять вышла, с нее сняли деньги, и результат налицо: Эрику заставят надевать это платье всякий раз, когда ей захочется узнать, куда денежки деваются. Мать кричит:

— Ты профукала деньги, которые нам до зарезу нужны! Мы могли бы въехать в новую квартиру,

но у тебя терпения не хватает, зато есть новая тряпка, которая скоро выйдет из моды.

Мать все откладывает на потом. Сразу ей ничего не нужно. Единственное исключение она делает для дочери: она всегда хочет знать, где та находится, на случай, если у мамочки случится вдруг сердечный приступ. Мать сейчас экономит, чтобы потом пожить в свое удовольствие. А Эрика возьми да купи себе платье, вещь еще более недолговечную, чем полоска майонеза на бутерброде с рыбой. Оно выйдет из моды даже не через год, а через месяц. Деньги не выйдут из моды никогда.

Деньги копят на покупку большой квартиры. Тесная квартирка, которую они снимают, настолько допотопная, что ее и бросить не жалко. Прежде чем переехать, они закажут встроенные шкафы на свой вкус и сами решат, как будут устроены внутренние перегородки, ведь для их новой квартиры используют совершенно новую систему строительства. Все сделают точно по желанию заказчика. Кто платит, тот и заказывает музыку. Мать получает мизерную пенсию, ей и заказывать, а Эрике — платить. В этой новой, с иголки, квартире, построенной по самому современному методу, у каждого будут свои владения: Эрика — здесь, мать — там, и владения их будут тщательно отделены друг от друга. Будет и общая гостиная, где можно вместе проводить время. Если они захотят. Мать и дитя, разумеется, захотят, они ведь как бы одно целое. Даже здесь, в этом медленно разрушающемся свинар-

нике, у Эрики есть собственная территория, где она свободно передвигается под неусыпным надзором. Свобода условна: мать может войти в любую минуту. В дверь комнаты не врезан замок: у ребенка не должно быть тайн.

Жизненное пространство Эрики составляет маленькая комната, в которой она вольна делать все, что захочет. Ее никто не ограничивает, ведь это ее комната. К владениям матери в этой квартире относится все остальное. Хозяйка в доме, которая обо всем заботится, держит под контролем каждый уголок, а Эрика только пожинает плоды домашнего труда, который выполняет мать. Эрика не знает тяжелой работы: руки пианистки надо беречь от домашней химии. В редкие минуты передышки особую заботу у матери вызывает ее многоликая собственность. Разве уследишь, где она находится? Куда она опять запропастилась, эта неугомонная собственность? В чьих домах, по чьим комнатам носится она, словно вихрь, одна или с кем-то на пару? Беспокойная как ртуть Эрика, это ускользящее из рук создание, может стать, куролесит в данную минуту невесть где и вытворяет невесть что. Но каждый день, секунда в секунду, дочь неизменно вновь появляется там, где ее место, — дома. Беспокойство охватывает мать, ведь каждый собственник перво-наперво усваивает на горьком опыте: доверяй, но проверяй. Главная мамочкина задача состоит в том, чтобы удерживать собственность в одном и том же месте, по возможности в неподвижном состоянии, чтобы она не могла улизнуть. Этой цели служит

телевизор, который прямо на дом поставляет красивые картинки, заранее изготовленные и красочно упакованные. Из-за него Эрика и проводит здесь почти все время, а если и уходит куда-то, матери точно известно, где ее носит. Иногда по вечерам Эрика ходит на концерт, но это случается все реже и реже. Она то сидит за пианино и вколачивает в клавиши свою исполнительскую карьеру, давно и окончательно похороненную, то как злой дух реет над каким-нибудь опусом вместе со своими учениками. При крайней необходимости ее всегда можно вызвонить. Иногда Эрика вместе с коллегами-единомышленниками посещает домашние концерты, наслаждаясь, музицируя и восторгаясь. Там ее тоже можно достать звонком. Эрика сопротивляется материнским узам и время от времени просит не разыскивать ее по телефону, но мать легко преодолевает это препятствие, ведь устанавливает заповеди только она сама. Мать решает, кому открыт доступ к ее дочери, и заканчивается это тем, что все меньше людей хотят встречаться и говорить с ее чадом. Профессия для Эрики — это и ее хобби, небесная власть музыки. Музыкае отдано все ее время. Все остальное не стоит ее времени. Ей ничто не доставляет бóльшую радость, чем исполнение самых знаменитых музыкальных произведений самыми выдающимися музыкальными знаменитостями.

Когда Эрика раз в месяц ходит в кафе, мать всегда знает, в какое и как туда позвонить. Этим правом она пользуется вволю. Свод правил безопасности и привычек изготовлен по домашнему рецепту.

Время вокруг Эрики медленно застывает, как гипс. Оно сразу начинает крошиться, если мать вдруг грубо тычет в него кулаком. Эрика сидит под насмешливыми взглядами окружающих, ощущая на себе гипсовые крошки времени, словно остатки развалившегося ортопедического воротника, и выдавливает из себя: мне пора домой, пора домой. Когда встречаешь Эрику где-нибудь на улице, она всегда направляется домой.

Мать вещает: собственно, меня Эрика устраивает такой, какая она есть. Лучше она не станет. Правда, она стала бы неординарной пианисткой, что нетрудно при ее-то способностях, если бы она доверялась только мне, своей матери. Но Эрика, вопреки материнской воле, иногда поддадала под чужое влияние; глупые грезы о любви грозили отвлечь ее от учебы, вздымали свои мерзкие головы такие пустые увлечения, как косметика и платья, — и карьера кончается, еще и не начавшись как следует. И все же чего добились, того не отнимешь — места преподавателя по классу фортепьяно в Венской консерватории. И ей даже не пришлось потратить годы на учебу и странствия по филиалам, по районным музыкальным школам, в которых столь часто киснет в серой пыли молодая кровь и где вокруг господина директора выются маленькие и легко рассеивающиеся стайки музыкальной молодежи со сгорбленными спинами.

Если бы не тщеславие! Это проклятущее тщеславие. Тщеславие Эрики доставляет матери хлопоты и мучает ее, как колючка в глазу. Эрике те-

перь придется отказаться от своего тщеславия. Чем раньше, тем лучше, ведь в старости, которая уже не за горами, тщеславие особенно обременительно. Старость и сама по себе — нелегкая ноша. Ох уж эта Эрика! Разве великие умы в истории музыки страдали тщеславием? Ни в малой мере. Единственное, от чего Эрике придется отказаться, так это от тщеславия. Коль возникнет нужда, мать придаст Эрике нужный лоск, чтобы к ней не приставало ничего лишнего.

И вот сегодня мамочка пытается выкрутить из судорожно сжатых пальцев дочки новое платье, да только пальцы эти слишком хорошо натренированы.

— Отпусти, — говорит мать, — отдай сейчас же! Тебя стоит наказать, ты сама не своя от всякой мишуры. Тебя раньше наказывала жизнь, не обращая на тебя внимания, а теперь накажет мать, которая и не взглянет в твою сторону, хоть обвешайся сразу всеми тряпками и размалюй себя как клоун. Сейчас же отдай платье!

Неожиданно Эрика бросается к платяному шкафу. Ею овладевает мрачное подозрение, которое и прежде не раз подтверждалось. Вот и сегодня она снова не обнаруживает одной из своих вещей: нет на месте осеннего костюма темно-серого цвета. Что случилось? В ту самую секунду, когда Эрика замечает отсутствие вещи, она уже знает, кто в этом виноват. Речь может идти только об одном человеке.

— Ах ты стерва, стерва! — орет Эрика на вышестоящую инстанцию и вцепляется матери в воло-

сы, окрашенные в темно-русый цвет, с сединой, выбивающейся у самых корней. Парикмахер обходится дорого, к нему лучше не обращаться. Раз в месяц Эрика красит матери волосы, используя кисточку и краску «Поликolor». И теперь Эрика таскает мать за те самые волосы, которым сама же придавала красоту. Она с яростью дергает за них. Мать ревет. Когда Эрика отпускает ее, в руках остаются клочья волос, которые она тупо и с удивлением разглядывает. От химических красителей волосы портятся, но они и от природы никогда не были венцом творения. Эрика не сразу может сообразить, куда девать эти клочья. Наконец она идет на кухню и бросает темно-русые, плохо покрашенные пряди в мусорное ведро.

Мать с поредевшей прической неутешно рыдает посреди гостиной, в которой Эрика часто устраивает домашние концерты, причем играет она лучше всех, ведь в этой комнате на фортепьяно никто, кроме нее, больше не играет. Мать по-прежнему держит новое платье в дрожащих руках. Если она собирается его продать, ей стоит поторопиться: мода на рисунок из маков размером с капустный кочан до конца года пройдет и никогда больше не вернется. От выдранных волос у матери болит голова.

Дочь возвращается, ее возбуждение разрешается плачем. Она обзывает мать последней сволочью, надеясь при этом, что мать с ней сейчас же помирится. И удостоверит сие, поцеловав любимое дитя. Мать пророчествует, что у Эрики рука отсохнет, ведь она посмела ударить мамочку

и таскала ее за волосы. Эрика всхлипывает все громче, она уже раскаивается в случившемся, ведь мамуля идет ради нее на любые жертвы. Эрика очень быстро раскаивается во всех выпадах, направленных против матери, она любит свою мамочку, которую знает с самого детства. Наконец Эрика, как и ожидается, идет на мировую, продолжая горько рыдать. С готовностью, со слишком большой готовностью идет на мировую и мамочка, она тоже не может всерьез обижаться на собственную дочь.

— Сварю-ка я кофе, посидим вместе за столом.

За послеполуденным кофе Эрика продолжает жалеть мать, и последние остатки злобы исчезают вместе с последним куском пирога. Она внимательно осматривает проплешины на голове у матери. И не знает, что сказать по этому поводу. Как не знала, что делать с вырванными ключьями волос. Напоследок она проливает еще несколько слезинок, ведь мать уже совсем пожилая и когда-нибудь ее не станет вовсе. А еще потому, что и у нее, у Эрики, молодость уже за плечами. И вообще потому, что все проходит и редко возвращается вспять.

Теперь мать занята тем, что объясняет своему ребенку, почему миловидной девушке не нужно одеваться вызывающе. Ребенок с ней соглашается. Шкаф у Эрики набит платьями. А все зачем? Она никогда их не надевает. Платья висят там без пользы, только для украшения шкафа. Матери не всегда удается помешать покупке, а вот что касается того, когда и что носить, тут она

наделена неограниченной властью. Мать решает, в чем Эрике выходить из дому.

— В таком виде я тебя за порог не пушу, — решает мать, потому что опасается, как бы Эрика в таком виде не пошла в незнакомые дома к незнакомым мужчинам. Да и сама Эрика решила не надевать эти платья. Долг матери — укреплять ее в этом намерении и уберегать от ложных решений. Зато впоследствии не придется с трудом заживать раны, которые нанесут ей чужие люди. Пусть лучше мать наносит Эрике раны, а затем следит за ходом их исцеления.

Беседа выступает из берегов и устремляется к точке, из которой брызги желчи летят в адрес всех, кто обходит или может обойти Эрику справа и слева. «Нам это вовсе не нужно, нельзя разрешать им все, что взбредет в голову! Ты сама виновата! Ты сама могла бы их притормозить, но ты ведь такая неумелая, Эрика». Если учительница решительно воспротивится, никто из этих молодых девиц, по крайней мере из тех, кто у нее учится, не поднимется наверх и не сделает карьеры пианистки, карьеры нежелательной и вне установленного распорядка. У тебя самой не вышло, зачем же позволять это другим за твой счет, да еще собственным ученикам?

Все еще шмыгая носом, Эрика берет несчастное платье в руки и без всякой радости, молча вешает его в шкаф рядом с другими платьями, брючными костюмами, пальто, юбками и пиджаками. Она никогда их не надевает. Пусть они дожидаются ее здесь, пока она вечером не вернется

домой. Тогда их достают, раскладывают вокруг, прикладывают к фигуре, рассматривают. Самое главное, что они — ее собственность! Пусть мать отберет их и продаст, но ей их никогда не надеть на себя, мать, к сожалению, слишком толста для этих узких одеяний. Ни одна из вещей ей не подходит. Здесь все только для нее, для Эрики. Принадлежит ей одной. Новое платье еще и не подозревает, что сейчас разом оборвалась его карьера. Его убирают, так и не надев, и никогда не достанут снова. Эрика хочет лишь владеть и созерцать. Созерцать издали. Даже примерять ей не хочется, достаточно подержать эту поэму из ткани и красок и грациозно пронести ее перед собой на вытянутых руках. В дом будто врывается весенний ветер. Эрика уже примеряла платье в модном магазинчике, и больше она его никогда не наденет. Эрике уже не припомнить то недолгое, мимолетное очарование, которое вызвало в ней платье при покупке. Теперь платье для нее все равно что мертвое, и все же оно — ее собственность.

Ночью, когда все кругом спят и одна Эрика бодрствует в своем одиночестве, когда фрау мама, дражайшая половинка этой пары, скованной друг с другом узами любви, видит безмятежные сны о новых способах пыток, дочь иногда, крайне редко, открывает дверь шкафа и осторожно прикасается к свидетелям ее тайных желаний. Желания ее не такие уж тайные, они кричат во весь голос о том, во что они ей когда-то обошлись, и ради чего теперь все это?